Настасья Митреяновна (Иван Годинович)

Говорил-то дядюшка племянничку:
«Пора, племянницёк, женитисе,
Те пора женитцѐ, время свататцѐ!» —
«Глупой дядя, неразумной-от!
Где-ка мне женитисе?
Мне стара́-та взять — дак на печи лежать,
Мне безрука взять — надоть работати,
Молодая взять — дак цюжа́ корысьть,
Мне кривая взять — дак мне не хоцѐтцѐ».
Не видели-то молодця седуци,
Только видели уда́лого поѐдуци,
Во цисто́м поли курева стоит, дым столбом встаёт.
Он ехал молодець день до вецёра.
Красно солнышко пошло ко за́кату.
Приежал он к городу да Митреянову;
Становил добра коня у нова двора;
Он идёт по лестовкам дубровыим —
Подь им лестовки да подгибалисе,
Новы́е сени колыбалисе.
Заходил в полату Митреянову,
Садилсэ он на лавоцьку на дьве́рную —
Под им лавоцька да подгибаласе.
Говорил тут Митреян да Митреяновиць:
«Ты не вор ли пришол, не розбойницёк?
Не ночѐшной ты подорожницёк?
Не збеглой солдат ли ґосударевой?»
Отвецят уда́лой доброй молодец:
«Я не вор пришол, не розбойницёк,
Не ночешной подорожницёк,
Не збеглой солдат ґосударевой;
Я приехал сильнёй руськой могуцёй боґаты́рь,
Я приехал к тебе о большом дели, о сва́тофсьви
На твоей Настасьи Митреяновны».
Говорит тут Митреян да Митреяновиць:
«У меня есь цядышко просватано,

Три года уш как просватано
У того Идо́лишша проклятого,
У проклятого Идолишша поганого.
Уехал Идолишшо ф цисто́ полё
Он стрелять-палить гусей, лебедей,
Фсяких пернатых мелких утоцёк;
Оставил Настасью за сорок замкоф,
За сорок замкоф шурупцятых».
Тут-то молотцу за беду стало,
За ту насмешку за великую;
Скоцил со лавоцьки со дверьныя,
Поломал сорок замков шурупцятых,
Брал Настасью Митреяновну
И садил Настасью на добра коня,
На добра коня позади себя;
Поехали оны во чисто́ полё.
Ехали оны день до вецёра.
Красно солнышко пошло ко западу и ко за́кату.
Говорит Настасья Митреяновна:
«Уш ты ґой еси, удалой доброй молодец,
Скоро-руськия могуцёй, сильнёй бо́ґаты́рь!
Мне пора с тобой опоцин дёржать,
Нам добру́ коню надоть здох давать».
Ишше тут молодец да скоро слушаёт.
Остоял он своего добра коня;
Роскинули оны бело́й шатер поло́тьняной.
Приежаёт Идолишшо ис циста́ поля —
Нет Настасьи Митреяновны.
Берёт с собой он саблю вострую,
Во других берёт палицю тяжолую.
Не поехал Идолишшо в цисто́ полё.
Увидал он во цисто́м поли бело́й шатёр;
Он думат своей думою тотарскою:
«Мне сонно́го-то убить — всё как мёртвого,
Мне сонно́го-то убить фсё не це́сь-хвала».
Крыцял-зыцял зыцьним голосом:
«Ты ґой еси, могуцёй, сильнёй боґатырь!
Подавай мне теперь поединьшика!
Не дае́шь ты мне поединьшика —

Из живого я из тя жилы вытяну».
Ставал удалой доброй молодец;
От крепкого сна да пробужаитце,
Садилсэ он да на добра коня:
Перьвой рас сьехались, приударились,
Друг друга дó больня не ранили;
Фторой-от рас сьехались, ударились,
Друг друга до больня не ранили;
Третей рас сьехались, ударились;
Трехнул удалой доброй молодець
Идолишша проклятого о сыру землю.
Хотел пороть да груди чорны ёго тотарския.
Во перьвóй корманьцик бросаитце —
У ёго ножоцька не слуцилосе;
Во другой корманьцик он бросаитце —
Тожо ножоцька не слуцилосе.
Говорит удалой доброй молодець:
«Уш ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт.
Говорит он во фторой након:
«Уш ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт;
Говорит он во третей након:
«Уш ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Ты подай мне булатён нош
Спороть ёго да груди цёрныи,
Вынимать ёго серьцё тотарскоё».
Тово Настасья фсё не слушаёт.
Говорит Идолишшо проклятое:
«Ты ґой еси, Настасья Митреяновна!
Не неси булатён нош,
Не ходи в ихню веру християньскую!
Ихня вера есь тяжолая,

Тяжолая вера християньская:
Надоть кстить-крестить лицо белоё,
У их водятце среды-пятници,
Имеют они посты долгие.
Лёхка наша вера тотарская:
Не надоть кстить-крестить лицо белоё,
У нас не водятце среды-пятници,
Не имеем мы постов долгиих.
Поди бери ёго за желты́ кудри,
Трехай его о матушку сыру землю,
Неси мне-ка булатён нош
Роспороть ёго груди белыя,
Вымать ёго серьцё христианскоё».
Идёт Настасья Митреяновна,
Несёт ему булатён нош.
Он хотел пороть ёго да груди белыя.
Говорит удалой добрый молодец:
«Не трони меня, Идолишшо проклятое!
Я не буду битьце-дратьце о пустом дели,
О пустом дели, фсё о женьшины».
Он раздумалсэ думой тотарьскою,
Пушшял ёго на свою волю.
Спусьтил удала добра молотца на свою волю —
Только молодец и жонат бывал,
Только молодец и с жоной сыпал.

Записана А. В. Марковым в с. Поное на Терском берегу Белого моря от А. И. Горбунцовой, родом из с. Пялицы.